

Михаил Чевеза

ОКНА РАЗНЫХ РАЗМЕРОВ

•

будешь готов ли да
белым гореть с утра
вскинет бровь саида
плечом поведет зухра

станешь готов ли я
кипеть в городском саду
обронит бамбарбия
подмигнет киргуду

сколько нас не считай
ложись бел на бордюр
распахнет гюльчатая
разольется будур

будешь ими любим
так, как не знаешь сам
кивает сим-салабим
поддакивает сезам

сыпали айлюли
и растворялась тьма
отрывала гюли
штопала фатима

ЛЮСЬЕН

Специалисты отдела продаж салона Мерседес-Бенц,
что близ поселка Вешки,
молодые да ранние, как из журнала GQ,
в роще напротив салона устроили барбекю.
Вспыхивали айфоны. Потрескивали головешки.
Жареным мясом, листом осенним полнился инстаграм.
И никто не был в хлам —
так,
слегка под хмельком.
Потому что цвет нации! Голубая кровь с коньяком!
Короче, отдел продаж!

Лишь Петрович, зам. по логистике, вобрав кураж,
шутил, выпуская дым,
вслед молодым,
убывающим
туда, где гуще дубрава:
— Не перепутай, смотри! М налево, а Ж направо!

В модной кепке, кряжистый, за пятьдесят, а в силе.
Люсе Подгорновой подарил (и ведь сыскал где-то!) цветок ирис.
Все повторял:
— Люсьен! а Люсьен! Сегодня тридцать машин отгрузили!
И это в кризис!
Полетят соколочками по необъятным просторам
родины нашей во все концы!
А там, глядишь, и план выьем!
Поднимай, Люсьен, давай же еще раз выьем
за продавников!
Балаболы, но ведь как работают!
Стервецы!

●

кого я люблю так нежно,
и безнадежно, конечно
(хотя это вам не нужно,
хоть это вам и не важно),

с кем знаком лишь заочно,
шапочно,
междустрочно,

или, вот, выхватил ночью
на улице Королева
и не увижу снова,
ни разу не встречу снова,
и не скажу ни слова.

а буду просто прохожим,
нет, не просто прохожим,
а фоном, пятном, похожим
на дверь или куст ореха,
обрывок чужого смеха,
на незаметное нечто...

вы все равно в моем сердце,
и, наверно, навечно.

•

Ивановой

Оля вернулась из Грузии, бледная как сулгуни.

— Что же случилось, Оля? Почему в краю винограда,
Где когда дождь — всегда радуга, а с неба течет боржом,
Где мужчины с узкими лицами задевают усами двери,
Где ясно не сразу, где кровь, где киндзмараули,
Где сколько хозяек, столько и вкусов пхали,
Где солнце проходит сквозь стены, а тени — робки,
Кожа твоя отказалось от бронзы ветра?

— Князь Геловани все заслонял мне солнце.
Хват, хванчкарой кружил, чарки плескал на чакры.
Алаверды мне пел, все вовлекал в хороводы.
Все, говорил, гамарджоба, какие горы!
Реки какие! Небо! Сады! Долины!
Зачем выходить наружу, если внутри так счастлив?
Зачем картины на стенах, когда есть окна
разных размеров, неповторимы, как воздух!
Если есть золото в сердце — коже не нужно бронзы.
Если твой взгляд хрустален, то стекло не помеха.
Время петь песни, грустные, как молитвы.
Время крылатых слов и зацветающих вишен.

Как это можно вообще описать словами...